

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Утраченный
дневник Гёте –
уникальное
бесценное
сокровище ...

Людмила ГОРЕЛИК

Утраченный дневник Гёте

Людмила Горелик

Утраченный дневник Гете

Серия «Артефакт & Детектив»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39414753

Утраченный дневник Гете:

ISBN 978-5-04-098579-1

Аннотация

После смерти великого философа Гете остались неопубликованные записки из дневника, которые оказались у его давней поклонницы Анны Павловны Философовой. Она смогла передать их своим друзьям в России... Убита пожилая учительница Софья Аргуновская, причем убийца что-то тщательно искал в ее квартире. Сонины подруги понятия не имеют, что могло понадобиться от старушки неизвестному. Но возможно, это как-то связано с прошлым Аргуновской и ее наставницей, которая завещала ей эту квартиру. В квартире Софьи сохранился коллекционный альбом Гете с вырванным титульным листом – там была дарственная надпись, в которой зашифровано местонахождение уникального сокровища...

Содержание

Пролог	5
Глава первая	10
Глава вторая	17
Глава третья	25
Глава четвертая	33
Глава пятая	38
Глава шестая	48
Глава седьмая	56
Глава восьмая	66
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Людмила Львовна Горелик

Утраченный дневник Гете

© Горелик Л.Л., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Пролог

Анна Павловна Философова очень хотела вернуться домой, в Россию. Она уже седьмой год жила в Германии и сильно соскучилась по родине – по Петербургу, по своему поместью Богдановскому... Муж, дети приезжали, конечно, но и их она не видела подолгу. А более всего угнетали оставленные, брошенные дела, требующие ее присмотра: школа для крестьянских детей и сельская амбулатория, «общество дешевых квартир», Бестужевские женские курсы. Месяц назад Анна Павловна, следуя совету мужа, отправила пока-янное письмо царю и теперь надеялась на возвращение. Тяжело жить вдали от дома, от семьи. Ладно, все ж лучше, чем в Вятке...

Семь лет назад Александр II сказал ее мужу, Первому государственному прокурору, тайному действительному статскому советнику Владимиру Дмитриевичу Философову: «Лишь ради тебя она выслана за границу, а не в Вятку».

Конечно, Анна Павловна и в Европе не теряла времени зря. Здесь она стала активно участвовать в Международном женском движении, увлеклась и начала серьезно заниматься теософией. На одном из женских съездов она познакомилась с Ульрикой фон Левецов. Несостоявшаяся невеста Гете не входила в Международную женскую организацию, она не была, подобно Анне Павловне, борцом за равноправие

женщин, однако проблема в какой-то степени ее занимала. Дамы оценили друг друга высоко, и в дальнейшем знакомство сохранялось, хотя и не переросло в дружбу.

Последняя встреча произошла в январе 1881 года. Получив уже незадолго до возвращения в Россию от «Ульрики» (так она ее называла про себя) приглашение в гости, Анна Павловна обрадовалась возможности попрощаться с симпатичным ей человеком. Как и многие русские, Философова была поклонницей Гете, однако «Ульрика», эта пожилая дама, последняя любовь поэта, интересовала ее не только в качестве живого приложения к биографии великого немца. Все знали, что более полувека назад, 19-летней девушкой, Ульрика фон Левецов, обворотив 73-летнего Гете, отвергла его предложение руки и сердца. Теперь ей было 77, замуж она никогда не выходила, а любопытствующим объясняла, что у них с Гете не было романа и она вообще никогда не имела желаний выйти замуж. Ни за кого. Анне Павловне, однако, 2-жа фон Левецов была интересна и сама по себе. Эта пожилая фрау обладала живым умом и сильной волей, а кроме того, была невероятно тактичной и воспитанной. Нет, не только свежесть и непосредственность юности привлекли к ней великого немца.

Фон Левецов принимала у себя Анну Павловну не первый раз. В предыдущие две встречи дамы обсуждали преимущественно женское движение и проблемы теософии. Это были наиболее нейтральные темы из тех, что принадлежали

к сфере их общих интересов. Г-жа фон Левецов задавала вопросы и о положении в России. Философова рассказывала тогда в основном о проблемах женского образования: тема была ей хорошо знакома и действительно волновала ее. Философовой было 44 года, фон Левецов – 77. Однако между ними имелось много общего, обе понимали это и симпатизировали друг другу.

В этот раз Анна Павловна почувствовала в собеседнице напряжение. Впрочем, разговор поначалу шел по накатанным рельсам. Говорили о Блаватской, о начале теософского движения в Европе. Потом о развитии реформ в России – слишком медленном, по мнению Философовой. Заговорили о новейших политических течениях. Анна Павловна упомянула про знакомство с Кропоткиным, рассказала, как прятала Веру Засулич.

– Я сочувствую им, – сказала она. – Уверяю вас, я далеко не сторонница революции, но мне хочется улучшить жизнь окружающих людей, причем (тут она усмехнулась) иногда возникает желание сделать это прямо сейчас!

– О да, – кивнула фон Левецов и тоже усмехнулась. – Нечто подобное я слышала от господина фон Гете в тысяча восемьсот двадцать третьем году...

За все время их знакомства она впервые упомянула Гете. Анна Павловна выдержала паузу, надеясь на продолжение.

– Да, – продолжила Ульрика, – мы беседовали на всякие темы, даже о политике – он много рассказывал мне... Ведь

он столько видел!

Она помолчала, нахмутив брови, а потом продолжила в ином, доверительном тоне:

– Мне скоро восемьдесят. Я долго думала, с кем я могу позволить себе быть откровенной, – и выбрала вас. Я не могу сказать, что у нас с Гете совсем не было романа. Понимайте это как хотите. Тогда... Тогда у меня были причины отказать. Пока я раздумывала, не зная, как поступить, Гете поразил меня в самое сердце своим юношеским легкомыслием. Признаваясь мне в любви, он завел роман с польской пианисткой! Могла ли я решить иначе?!

Анна Павловна легко провела ладонью по старческой руке собеседницы.

– О да! – воскликнула она. – Я тоже влюбилась и вышла замуж в восемнадцать лет; муж был вдвое старше меня. Это была страстная любовь, и я никогда не пожалела о своем замужестве. Мой муж редкий человек... Однако я прекрасно понимаю вас, понимаю ваше душевное движение...

Фон Левецов улыбнулась и кивнула:

– Я знаю, что очень скоро вы вернетесь в Россию, а я... мне много лет! Вряд ли мы с вами увидимся еще когда-нибудь. Но я хочу, чтобы этот дневник был у вас. Этот дневник господин Гете вел летом тысяча восемьсот двадцать третьего года, когда вернулся из Мариенбада.

Двадцать пять лет назад господин Эккерман, секретарь Гете, передал мне дневник поэта, который он писал сразу

после нашего расставания.

Гете тогда много рассказывал Эккерману об этих заметках, однако просил не включать его рассказы о дневнике в повседневные записи секретаря. Поэтому после смерти поэта, когда дневники оказались у Эккермана, тот их не опубликовал. Впоследствии он передал их мне. Он не решился опубликовать их, так как не был уверен, что господин Гете этого хотел. Не решаюсь и я. Между тем я, подобно господину Эккерману, не могу допустить и того, чтобы они канули в Лету. Я поступлю так же, как он. Вы много моложе меня. Я хочу передать эти бумаги вам, поскольку твердо верю как в вашу безусловную порядочность, так и в ваш незаурядный ум и деловитость. Россия – культурная страна, где любят и высоко ценят Гете. Пройдет время, вы сами увидите, когда настанет пора этих записок. Опубликуйте их, когда сочтете нужным и возможным, когда придет их время. Читайте их, если вам угодно, но, пожалуйста, до публикации не показывайте никому.

Она встала, подошла к ломберному столику в углу и, взяв лежащую на нем не очень толстую стопку хорошо упакованных бумаг, протянула ее Философовой.

Глава первая

Внезапная смерть

Июнь 2014-го в Смоленске выдался теплым, однако по утрам бывало прохладно, и, отправляясь на рынок, Елена Семеновна Шварц накинула легкую курточку из плащевки. Теперь, возвращаясь по послеобеденной жаре, она не могла ее снять, поскольку руки были заняты сумками. Картошку и лук пенсионерка покупала на рынке – раз в месяц ездила вниз, в Заднепровье. С трудом, обливаясь потом, она подняла сумки по лестнице. Когда отпирала дверь, услышала, что в комнате звонит – давно уж, видимо, – телефон.

– Леля, – это был голос Наташки. Необычный какой-то, будто сквозь слезы. – Что ты не подходишь? Ты, конечно, уже знаешь, что Соня умерла?

– Какая Соня? – не сразу сообразила Елена Семеновна.

– Ну, Соня Аргуновская... Как же ты не знаешь, ведь она жила в твоём подъезде?! Я тебе рассказывала, что она болеет!

– Подожди... – Шварц опустилась на диван, взяла трубку поудобнее, – ты ж в субботу говорила, что она выписалась?

– Ну, вот так и бывает: в субботу выписалась, а в среду умерла...

Соню Аргуновскую, иначе Софью Дмитриевну, Елена Се-

меновна знала очень мало. Но довольно часто слышала о ней от Наташки и от Милы. Наташка была ее школьной подругой, а с Милой они вместе учились на иностранном факультете в Смоленском пединституте, тоже тысячу лет назад. Были, конечно, и другие общие знакомые – не такой большой город Смоленск. Пару раз она с Соней пересекалась – встречались на концертах. Близко общаться не приходилось, хотя с недавних пор Соня стала ее соседкой. За пару дней до того как Елена Семеновна переехала в эту квартиру, Соня легла в больницу, и от подруг периодически поступали сведения о ней.

У Елены Семеновны было очень много знакомых. С кем-то в школе училась, с кем-то в институте, с другими работала, кто-то случайно встретился, да так и остался в друзьях. С одними на концерты вместе ходила, с другими в баню. Да, Елена Семеновна, или Леля Шварц, как называли ее друзья и подруги, несмотря на неюный возраст, регулярно ходила в баню, на концерты, играла в настольный теннис... А с Наташкой Тюриной они в детстве не то чтобы дружили, но учились в одном классе. С тех пор много воды утекло, и все одноклассники стали Леле Шварц близкими – сам срок знакомства сближал. Одноклассников оставалось все меньше. В прошлом году пятьдесят лет окончания школы отметили.

С Соней она тоже намеревалась познакомиться ближе, тем более что теперь они стали соседями. На лето ее семья – племянник Юрка с женой Машей, с годовалым сыном Ле-

вушкой и котом Бунькой – отправилась отдыхать в Пржевальское. У них там имелся свой домик; купили сразу после рождения Левушки на деньги, полученные в качестве вознаграждения за найденный в подземелье «наполеоновский» клад¹. На этот раз Маша в Пржевальском и рожать собралась – через два месяца уже.

Елена Семеновна ехать с ними отказалась, так как хотела отремонтировать квартиру. Все довольно большое семейство жило в старом доме на улице Бакунина. Трехкомнатная квартира, принадлежавшая когда-то родителям Лели, была просторной, с высокими потолками, однако запущенной, ремонт не делали давно – еще Колька, третий муж, делал, а ведь много лет прошло с развода... Колька и с новой женой давно развелся.

Шварц жила в этой квартире сколько себя помнит: с родителями, потом последовательно с тремя мужьями, затем одна, после с Юркой. Младшая сестра Лели, Светлана, более тридцати лет назад поселилась в Десногорске, но ее сын Юрий, повзрослев, переехал в Смоленск и разместился в той самой дедовской квартире, где продолжала жить Елена Семеновна. Жили тетя с племянником душа в душу, а когда Юрка женился, тетя Леля и с Машей подружилась.

У Маши была своя однокомнатная квартира, тоже в старом доме, но с другой стороны парка – на 1-й Красноармей-

¹ Читайте об этом в романе Л. Горелик «Русское сокровище Наполеона» (Издательство «Эксмо»).

ской, рядом с музучилищем. Она пустовала с момента Машиного выхода замуж. Сразу после отъезда молодых на дачу энергичная, несмотря на пенсионный возраст, Елена Семеновна переехала в маленькую Машину квартиру и занялась ремонтом квартиры на Бакунина. Она решила, что если ей на 1-й Красноармейской понравится, то здесь она и останется – пусть молодые живут отдельно. А ремонт сделать необходимо сейчас – с двумя малышами уж точно не до него будет.

Узнав, что подруга ее друг Соня Аргуновская стала теперь ее соседкой, Леля обрадовалась. Соня жила в такой же однокомнатной квартире, как та, где расположилась Шварц, только на первом этаже. И надо же... Какая неожиданная смерть!

– Наташа, так она сегодня умерла? Ведь среда – это сегодня, – удивилась Елена Семеновна.

Она взглянула на часы, было уже почти четыре. Из дома она вышла в одиннадцать и отправилась прямо на рынок. Проходя мимо Сониной двери, еще подумала, не позвонить ли: пора познакомиться поближе. Однако неудобно показаться в дверь ломиться, в гости напрашиваться. Решила узнать у Наташки Сонин телефон и, может, для начала втроем встретиться – пригласить их обеих к себе. И вот, пожалуйста...

– Наташа, а когда похороны? У нее родственники-то есть?

– Никого у нее нет! Я вот думаю уже, как хоронить... Мы с Милой, скорей всего, этим заниматься и будем. У нее бли-

же нас никого не было. Она одна совершенно и чувствовала себя в последнее время неважно. Может, для нее и лучше, что Бог ее прибрал так быстро, без мучений... Хотя ее не оставили бы без помощи. Ее ученики помнят. Прекрасная была учительница – выдающаяся, таких мало. Танька моя и сейчас к ней часто ходит, почти каждый день забегает... то есть забегала. Это она еще не знает – в школе с утра. Там слез будет... Не знаю, как и сказать ей.

Таня, Наташина внучка, теперь сама учительница, в свое время училась у Софьи Дмитриевны. В те годы, кстати, Наташа и подружилась с учительницей внучки. Таню она воспитывала практически одна. Дочь умерла при родах. Поначалу жили втроем – с зятем. Девочке было почти шесть лет, когда отец вновь женился. Уйти с ним в квартиру мачехи Таня не захотела. Тем более что у них вскоре родились свои дети. Зять, правда, и старшей дочери продолжал помогать деньгами, так что больших материальных лишений девочка не испытывала. А заботу и тепло ей старалась дарить бабушка. Сознание, что ребенок растет без матери, толкало ее к повышенной опеке.

Сейчас Таня – взрослая замужняя дама, но бабушка по-прежнему любит о ней поговорить. Вот и теперь свернула на ту же тему:

– Из-за Сони она и специальность эту выбрала. А что хорошего? В школе с утра до вечера, а денег нет. Замуж тоже неудачно вышла. Не послушалась меня, теперь мучает-

ся... Никакой перспективы для них не вижу. Придется им, уж видно, моей смерти ждать, чтобы ребенка завести...

— Ну, не говори глупостей, — огорчилась Елена Семеновна. — Павлик старается, работает по вечерам. Подожди, у них все наладится. Года через два возьмут ипотеку... И внуков понянчишь! — И вернула разговор к прежней теме: — А отчего же Соня умерла? Известно уже?

Елена Семеновна была... ну, любознательная, что ли. Ее чрезвычайно интересовал мир вокруг, интересовали люди и события, тем более необычные. Ей всегда хотелось понять причины и следствия.

— Нет, точно пока неизвестно. Мне позвонила Мила, сказала, что Соня умерла, — и все. Я думаю, что, скорее всего, от язвы. Она ведь с язвой в больнице лежала. И вот чем кончилось лечение! Не очень-то врачи внимательны к старикам, — начала новую тему подруга. И тут раздался звонок в дверь. Извинившись, Елена Семеновна положила трубку и пошла открывать.

За дверью был полицейский. Войдя, он покосился на сумки с луком и картошкой, так и стоявшие в маленькой прихожей, и предъявил удостоверение. «Лейтенант Демочкин», — прочитала Елена Семеновна. Пока выясняли, по какому праву проживает в этой квартире гражданка Шварц, прописанная на улице Бакунина, Леля успела внутренне переполошиться: не из-за прописки же он пришел, сейчас с этим нестрога. Неужели что-то с детьми случилось — там, в Прже-

вальском? Разговаривали по скайпу вчера вечером...

– Я к вам зашел поговорить о событии в третьей квартире, – сказал Демочкин, и Елена Семеновна вздохнула с облегчением: не с детьми.

Глава вторая

Пластиковый мешок

В комнате Демочкин сел на стул, достал из портфеля бумагу и ручку. «Прямо допрос!» – изумилась Елена Семеновна.

– Ну, что я могу сказать... – начала она, пока полицейский раскладывал на столе документы. – Я сама только что узнала от подруги, что Соня умерла.

– От какой подруги? Из этого подъезда? – заинтересовался Демочкин.

– Нет, из другого совершенно дома – далеко отсюда, на Киселевке. Они с Соней, то есть с Софьей Дмитриевной Аргуновской, хорошо знакомы, потому что внучка подруги училась у нее в школе. И у них имеются общие друзья. Поэтому подруга узнала раньше меня. Я ведь здесь живу всего две недели, мало кого из соседей знаю.

Демочкин кивнул:

– Я в курсе. Вчера вечером, или сегодня утром, или ночью вы не слышали какой-либо шум в третьей квартире?

– Нет. – Елена Семеновна покачала головой. – В этом доме перекрытия между этажами мощные и пространство большое между перекрытиями – довоенный дом, эти стены бомбежки выдержали. Поэтому снизу ничего не слышно. Внут-

ренние-то перегородки слабые, их уж после войны восстанавливали. А снизу вообще никаких звуков не доносится.

– Понятно, – кивнул полицейский. – Вы сегодня выходили из квартиры?

– Да. Я только что вернулась с рынка. А вышла из дома в одиннадцать часов.

Тут Демочкин поднял голову от своих записей, взглянул внимательно:

– Когда проходили мимо третьей квартиры, закрыта ли была дверь? Не слышали голосов или иных звуков из-за двери? Никого не встретили на первом этаже или возле подъезда? Может, из соседей кто-то шел?

Елена Семеновна на все вопросы ответила отрицательно: дверь была закрыта, ничего не слышала, никого не встретила.

– А окна? – спросил Демочкин. – Вы не обратили внимание, не было ли у нее открыто окно?

– Закрыты были окна, – быстро ответила Шварц. – Вот на это я точно обратила внимание: ночью уже тепло, а у Сони и форточки закрыты были. Я еще подумала: как люди переносят такую духоту – сама я и зимой на ночь форточку открываю.

Полицейский молча записывал.

– А в чем дело? – спросила женщина напоследок. – Ведь это не насильственная смерть? Соня... Софья Дмитриевна плохо себя чувствовала в последние месяцы. В больнице ле-

жала совсем недавно. Вы знаете, наверно.

– Да. Мы в курсе, – ответил Демочкин. Потом посмотрел на Елену Семеновну, будто задумался, продолжать ли разговор. И решил не продолжать: – Расследование в случае внезапной смерти проводится всегда, порядок такой. Так что, если что вспомните – сообщите.

После ухода полицейского Елена Семеновна разобрала наконец принесенные с базара сумки. Разогрела вчерашний борщ. Готовить она любила, но на одну себя как-то не хотелось. Пока наливала суп в тарелку, резала хлеб, вынимала сметану из холодильника, думала. Демочкин все квартиры обходит, после нее на третий этаж пошел. Что-то здесь не так. Умерла женщина под семьдесят, что в этом особенного? Тем более на здоровье Соня жаловалась, только что в больнице лежала после открывшейся язвы желудка... Зачем такое тщательное расследование? Чего-то не сказал этот полицейский – подозревает он что-то. Может, у него вызывает сомнения, что женщина совсем недавно прошла курс лечения в больнице от хронического заболевания...

Она вспомнила, как полицейский оживился, когда она сказала, что вышла из дома в одиннадцать. Видимо, Соня умерла в это время, около одиннадцати. Елена Семеновна начала вновь перебирать в памяти детали.

На первом этаже только одна Сониная квартира: другие помещения заняты под парикмахерскую, вернее, салон красоты, и вход в салон с улицы. В подъезде не видела никого...

Было тихо. Тихо? Ах да, из Сониной квартиры слышалась музыка – Шуберт, кажется. Какой-то фортепьянный дуэт. Потому и возникло тогда у нее желание зайти к соседке. Последний раз они встретились на концерте, во время глинковской декады, то есть больше месяца назад. Даже пообщались тогда в антракте – Соня как раз с Наташкой пришла, а сама Леля была с Иркой Савраскиной.

Однако, отвечая полицейскому, о музыке она забыла. Ну, это вряд ли существенно, утешила себя Елена Семеновна. Что же там еще было? Выйдя на улицу, она оглянулась на Сонины окна. Занавески раздвинуты... Значит, соседка уже встала, музыку слушает. Что показалось Шварц удивительным – форточки закрыты, хотя сейчас и ночью тепло. Впрочем, в свете дальнейших событий это скорее положительный факт. Это означает, что никто в квартиру влезть с улицы не мог.

Так что напрасно полицейский что-то подозревает. Соня была дома одна, слушала музыку, потом ей стало плохо, в «Скорую» позвонить не успела. А все же, отчего она умерла? Кто ее обнаружил? Нельзя ли было спасти? Может, если бы у нее тогда, утром, достало наглости позвонить в Сонину дверь... Ох, и почему она не решилась зайти?!

Елена Семеновна набрала телефон Милочки.

Трубку взяли сразу:

– Леля! А я тебе тоже собиралась звонить... Ты про Соню знаешь уже?

– Мне позвонила час назад Наташа. Вот как неожиданно это бывает! Не успела я с ней познакомиться.

– Лелька! А я ведь с Соней дружила по-настоящему, с юности. И мне сейчас очень тяжело.

– Милочка, ну приезжай ко мне. Наташку прихвати, приезжайте вместе. Кофейку попьем...

На той стороне провода помолчали.

– Нет, – ответила наконец Мила. – Нет, не смогу сейчас. – Послышался всхлип.

Елена Семеновна озаботилась. Что ж с ней делать-то?! Мила, Людмила Сергеевна, раньше преподавала английский язык в университете, а в прошлом году вышла на пенсию. С Наташей ее лет двадцать назад познакомила Леля. Мила жила на Киселевке, в одном районе с Наташей, поэтому Елена Семеновна посоветовала к ней обратиться, когда искали Тане учительницу по английскому языку. Сама Леля жила в центре. С годами расстояние стало играть все большую роль. Подруги чаще перезванивались, чем встречались.

– Приезжай, Мила, – повторила она.

– Нет. – Мила опять всхлипнула. – Я не смогу сейчас на Сонину дверь смотреть. Ее ведь опечатали, наверно?

– Когда шла с рынка, я не заметила, но теперь уже, возможно, и опечатали, – кивнула Елена Семеновна. – Полицейский, во всяком случае, ходит, соседей расспрашивает. Скорее всего, подозревают врачебную ошибку. – Всклип повторился, раздались рыдания. – Мила, Мила, ну что ты? Что

с тобой? – засуетилась Елена Семеновна. – Хочешь, я к тебе приеду?

– Нет, – опять отказалась Мила. – Я сейчас успокоюсь. Лелечка, будь сама осторожнее – ты ведь рядом там... Страшно как! Ведь ее убили!

– Мила, – совсем растерялась Елена Семеновна, – что ты такое говоришь? Расследование в случае внезапной смерти всегда проводят. Конечно, меня не удивит, если имела место врачебная ошибка...

– Леля... – Мила на том конце провода понизила голос: – Я тебе скажу, хоть и обещала не говорить: Соню нашли с мешком на голове!

– С каким мешком? – опешила Леля.

– С обычным пластиковым мешком! Из полиэтилена.

– С чего ты взяла? Это тебе в полиции сказали?

– Нет, в полиции они, наоборот, ничего не говорят, скрывают. Мне сказала Галя! – ответила подруга.

– Какая Галя?! – удивилась Шварц.

– Понимаешь, Леля, я хорошо знакома с Сониным соцработником. – Мила теперь не всхлипывала, а говорила почти спокойно, хотя и громким шепотом. По-видимому, ей действительно необходимо было выговориться, это ее успокаивало. – Ну, соцработник к Соне ходила, Галей ее зовут, молодая женщина, от собеса: покупки для нее делала. Я пока не нуждаюсь в помощи соцработника – сама в состоянии на рынок сходить. Но большую уборку в квартире сделать мне

уже тяжело. Голова кружится, до люстры – пыль смахнуть – не долезу. И Соня в прошлом году еще надоумила меня обратиться к этой самой Гале. За плату, конечно, Галя мне несколько раз убирала в квартире. Это удобно оказалась. Ты знаешь, что мне сын всегда поможет, если понадобится, так что нанять для уборки женщину два-три раза в год я могу.

Леля покивала телефону: да, сын у Милы хороший.

– А сегодня, часа три назад, Галя звонит мне и плачет. И рассказала, что утром, когда принесла заказанные с вечера продукты, застала Соню мертвой. Лежит на диване, ноги на пол свесила, а на голове мешок завязан. В комнате кавардак. И окно открыто.

– Как открыто?! Я шла в одиннадцать, закрыты были оба окна.

– Галя уже где-то ближе к двенадцати зашла. Вчера договорились, что она в двенадцать продукты принесет. Тут вот еще что... У Сони была какая-то встреча утром. Она вчера Гале сказала: «Рано не приходите, у меня назначена деловая встреча». Какая у нее может быть встреча?! Насчет квартиры, скорее всего. Галя говорит, ее донимали соседи с четвертого этажа, хотели ухаживать за ней в обмен на квартиру. Мне-то Соня не рассказывала. Она вообще не жаловалась никогда... – Людмила Сергеевна опять всхлипнула, помолчала некоторое время, потом продолжила: – Наверно, с ними и была встреча. Она Гале вечером звонила, попросила прийти в этот день попозже – к двенадцати. Галя так и пришла.

У нее свой ключ был – Соня ей доверяла. Она и зашла. И такой ужас застала. Они у Сони что-то искали, перерыто все. Может, и не соседи, откуда нам знать? Может, не в квартире дело. Но вряд ли у нее денег много. Зачем туда лезть?! У нее, конечно, книги хорошие, однако больше ничего и нет. Неужели в наше время кто-то из-за книг убивать будет? Да их выбрасывают сейчас... И книги были по полу разбросаны, и вещи... Так Галя сказала. Скорее всего, убийца в окно выскочил, когда Галин звонок услышал. Полиция скрывает подробности. Ты тоже не рассказывай. Но будь осторожнее, Леля. Это из вашего дома кто-то.

Глава третья

Хорошая квартира

Спалось Елене Семеновне в ту ночь плохо. Хоть и мало знакома она была с Соней, а переживала – так неожиданно все случилось... Вечером, как обычно, поговорила с детьми по скайпу. Про Соню ничего не рассказывала. Она ведь была Машиной соседкой, много лет жили рядом и, кажется, общались. Не надо пока плохого говорить – пусть родит, потом узнает. Утром, чтобы встряхнуться, Леля решила сделать зарядку в парке. Везет ей: та квартира с одной стороны парка, эта – с другой...

В воздухе ощущалась прохлада, но не холод. В парке пахло скошенной травой и утренней свежестью. Несмотря на ранний час, здесь уже были люди. Две худенькие девушки и молодой человек бегали по кругу. Пенсионер, сидя на скамейке лицом к только поднимающемуся солнцу, делал непонятные пассы руками – ну, это что-то восточное. Слегка полноватая молодая дама в красном спортивном костюме старательно выполняла наклоны, держась одной рукой за дерево. Елена Семеновна тоже немного понаклонялась, поприседала, поразводила руками. Бегать не стала: все ж она уже не в том возрасте. Решила пройти два-три круга энергичным шагом, и достаточно.

Дама в красном уже окончила зарядку и наярывала круги. Тоже шагом. На повороте, обгоняя Елену Семеновну, она неожиданно поздоровалась:

– Здрассте, Елена Семеновна!

Шварц ответила и, глядя даме в спину, начала вспоминать, кто же это. Вспомнив, пошла медленнее. При следующей встрече обратилась к даме:

– Приятно вас здесь встретить, Ирина!

Ирина была соседкой сверху, с третьего этажа. Елена Семеновна ее уже знала. Во-первых, до того, как Юрка с Машей поженились, видела ее у Маши. Во-вторых, Ирина была, как и сама Елена Семеновна, общительная. Встречаясь на лестнице, они здоровались, а на днях даже обменялись какими-то фразами про погоду. Еще, помнится, про Машу Ирина спросила: как она там в Пржевальском отдыхает?

Теперь Ирина замедлила шаг и пошла рядом. После обмена мнениями насчет погоды в Смоленске и в Пржевальском (купаются ли они там? Еще холодная, наверно, вода в озере?) разговор, естественно, перешел на вчерашнее событие, взбудоражившее подъезд.

– Всего три дня прошло, как из больницы выписалась, и надо же, умерла! – сказала Елена Семеновна. – Боюсь я нашей медицины. Недоглядели врачи.

Ирина ничего не сказала, посмотрела только загадочно и вместе с тем покровительственно. Она умела так смотреть. Некоторое время шли молча, пошли на следующий

круг. Елена Семеновна уже запыхалась, однако не отставала от спутницы: хотелось дождаться ответа. И действительно, вскоре Ирина заговорила.

— При чем тут врачи? — сказала она. — Врачи на голову пакет не наденут. И в окно выскакивать не станут. Тут совсем другие заинтересованные лица. — Шварц внутренне напряглась, вспомнив Милочкины слова о пластиковом мешке. Неужто и впрямь убийство? Вот и Ирина говорит про пакет. А ведь Мила просила никому не рассказывать — будто бы полиция не разглашает информацию в интересах следствия.

— Какой пакет? И какие могут быть заинтересованные лица? — осторожно начала Елена Семеновна. И машинально добавила: — Оба окна были закрыты, когда я шла в одиннадцать часов.

— То-то и оно, что в одиннадцать закрыты, а в двенадцать открыты! В комнате открыто было окно — он туда и выскочил, пока Галя дверь открывала! — Ирина говорила с напором. Очевидно было, что ей нравится быть более осведомленной, чем собеседница.

Елена Семеновна не возражала. Покивала уважительно, подумав, спросила:

— А в чем интерес? Если б она богатая была... Серьезных врагов, мне кажется, она тоже вряд ли могла иметь. Прекрасная учительница, со всеми тактичная, дети ее любили, родители благодарны ей были... Какие у Сони враги? И что за пакет?

– Обыкновенный пакет. Пластиковый. Из магазина. Галя, соцработник, ее с пакетом на голове нашла – вы что, не знаете? И разве квартира – не богатство?! – запальчиво спросила соседка. – Еще какое богатство! А Софья Дмитриевна – одинокая. Читали, наверно, как сейчас за квартирами одиноких людей охотятся? А тут прекрасная квартира в центре. Рядом с музучилищем! Напротив парка!

Они заканчивали очередной круг, третий для Елены Семеновны.

– Мне, пожалуй, на сегодня достаточно, – сказала она.

– И мне хватит. Пойдемте! – ответила Ирина.

Движение здесь было оживленное. Они молча перешли по переходу. В глубине улицы стояло здание музучилища, перед ним располагалась небольшая красивая площадка с цветочными клумбами и фонтаном в центре. Их дом находится несколько в стороне от оживленной улицы, не в первом ряду. Фасадом он был обращен на площадку с фонтаном и клумбами. Сонины окна на первом этаже выходили прямо на фонтан. Действительно – хорошая квартира!

– И между прочим, на квартиру были претенденты, – неожиданно продолжила прерванный разговор Ирина. – Даже из нашего подъезда. И не только.

– Какие претенденты? – не поняла Шварц.

– Ну что вы, не знаете, как сейчас делают? Договариваются, что будут ухаживать за одинокими стариками в обмен на квартиру. В наследство, после смерти.

– А-а-а, – понимающе протянула Елена Семеновна. – Знаю, конечно.

– Ну вот. Данилкины с четвертого этажа так хотели сделать, просили Софью Дмитриевну разрешить им ухаживать за ней в обмен на квартиру после ее смерти. Их трое в однокомнатной. Да собака еще, хотя, конечно, маленькая – меньше кошки.

Елена Семеновна кивнула: она видела собаку Данилкиных. Той-терьер.

– А сын подрастет, – продолжила Ирина, – женится. Что тогда делать? Сами-то они не купят.

– Неужели Соня согласилась?

– Не знаю. И еще хозяйка салона красоты, что рядом с Аргуновской, расширяться хочет. Она предлагала перевезти Соню в другую квартиру. Мол, купит равноценную в этом же районе, да еще и денег даст. Но тут Софья Дмитриевна не хотела точно. Ей очень это место нравилось. Она говорила: «Площадка у фонтана – моя дача. У меня дача прямо под окном». Сидела часто здесь на скамейке, иногда книги продавала прохожим.

– Книги продавала? Разве Соня этим занималась?

– Ну, а легко ли на пенсию прожить? Конечно, правильно делала, что продавала. У нее книгами вся квартира забита, как она там дышит... дышала то есть? От них пыль одна. Это я посоветовала их продавать. Она ведь не работала уже, зачем ей книги... – Ирина вдруг прервала речь, выражение ее

лица переменилось, оно стало приветливым и... напряженным. – Игорек! – кокетливо окликнула она. – Куда это ты так спешишь, что и друзей не замечаешь?!

Только что обогнавший их высокий мужчина оглянулся, на миг замедлил шаг, посмотрел быстро на часы:

– Извини, Ирочка, на занятия опаздываю! У меня первая пара! Но я к тебе обязательно еще забегу! – И пошел, делая большие шаги, дальше, ко входу в музучилище.

«Где я его видела?» – подумала Елена Семеновна и вопросительно посмотрела на Ирину.

– Это Озерцов. Он в музучилище работает. – Ирина больше не улыбалась: невнимание спешащего преподавателя ее сильно расстроило. – Ведет историю музыки. – Помолчала, потом добавила: – Так, давнее знакомство... Мы с ним в одной школе учились, хотя он, конечно, на три года старше.

Дальше шли молча. Настроение спутницы после встречи ухудшилось, и Елена Семеновна понимала, что не надо ее сейчас беспокоить вопросами, хотя любопытство буквально разбирало. Да и что спрашивать, без того ясно: Озерцов наверняка Ирин кавалер, который потерял к ней интерес. И тут уж ничего не попишешь, это очевидно. А что лицо знакомое – Смоленск небольшой город, видела где-нибудь. Раз преподаватель музучилища, на каком-нибудь концерте, скорее всего...

Когда поднялись на второй этаж, слегка задержались возле квартиры Шварц.

– Приятно было познакомиться поближе, – кивнула Ирина. – Заходите, если что надо. Мы с Машей дружили.

После завтрака Елена Семеновна решила помыть пол. Только намотала тряпку на швабру – затрезвонил телефон.

– Лелечка, ты представляешь, – произнес Наташкин голос, на этот раз радостный, – оказывается, Соня оставила свою квартиру Тане! Еще перед тем как лечь в больницу завещание написала! А мы и не знали, честное слово! У Тани она любимой учительницей была! Конечно, Таня и без завещания ее не бросила бы никогда в случае беспомощности... Но и она тоже Таню любила. Завещала квартиру любимой ученице Татьяне Лукиной.

Елена Семеновна не сразу нашлась, что сказать. За Таню она тоже обрадовалась.

«Ну вот, теперь они с Павликом могут квартиру больше не снимать. И ребенка наконец Таня родит», – была ее первая мысль. Однако сказать это Наташке она поостереглась. Ответила более нейтрально:

– Таня твоя заслужила! Она такая умница, такая хорошая учительница... Смена Соне у нас в городе. Так что завещание – это вполне понятно.

После телефонного разговора Леля вновь взялась за швабру. Мысли возвращались к разговору: «Тане квартира очень нужна. С Наташкой в ее однокомнатной Павлик вряд ли мог бы ужиться: она его считает недостойным внучки, ревнует Таню к нему. А мальчик он, кажется, неплохой. И

неглупый».

Елена Семеновна была уже немного знакома с Павлом – сейчас он ремонтировал ее квартиру на Бакунина. Наташка и посоветовала. Вроде бы стараются они с напарником – медленно, правда, делают, но куда ей спешить? Жить есть где, а дети на даче еще долго будут. И сумма, на которую договорились, Елену Семеновну устраивала – вполне справедливая. Что ж, будет теперь у Павла с Таней отдельная квартира. Как бы он ремонт ее не бросил...

«Соня правильно рассудила, – вернулась она к событиям. – Эх, жалко, что не довелось поближе с ней познакомиться... И к тому же разумно это было сделано: Таня надежный человек. Она бы Соню не оставила, конечно, и без квартиры. Но с квартирой вернее».

Глава четвертая

Улики и их отсутствие

Майор Полуэктов начертил на бумаге квадратики. Так легче было думать – нагляднее получалось. Первый – Данилкины. Второй – Копылова. Третий – наследница. Кто-то из них убил старушку. Прямых улик, однако, не было. Отпечатки пальцев, снятые с пакета и вещей в комнате, не дали ничего. Как разгадать сей ребус, хрен его возьми?! По всему, будет висяк. Работать было трудно: лето, все в отпусках. Майор и сам с нетерпением ждал отпуска. И надо ж, такое дело темное – убийство путем удушения, практически без улик! Если б соцработник не растрепала про мешок на голове, и проблемы бы не возникло. Ну, умерла старуха – вся больная, на здоровье многим жаловалась, да и возраст, куда ж денешься... «Вот болтливая баба!» – досадовал Полуэктов. Теперь приходилось думать.

Майору было тридцать девять. Убитая пенсионерка Аргументовская шестидесяти восьми лет казалась ему глубокой старухой. Таких одиноких старух убивают из-за денег или из-за квартиры. Больших денег у бывшей учительницы, конечно, не имелось. Однако квартирка однокомнатная была – и даже, в общем, неплохая, в хорошем районе, в центре. Обстоятельства убийства показывали, что старуху начинали пытать: на-

дели на голову пластиковый мешок. Однако перестарались – она быстро умерла от удушья. Конечно, хотели заставить подписать бумаги на квартиру. Для чего же еще? Так что наследница практически отпадала: Аргуновская подписала ей квартиру две недели назад, перед тем как лечь в больницу, но самой девушке ничего не говорила – та очень удивлена была, когда узнала, это Полуэктов видел. Такое не сыграешь.

А вот двое других подходили вполне. Проведенный лейтенантом Демочкиным опрос жильцов подъезда показал, что квартира Аргуновской пользовалась спросом. Оформить завещание на их семью в обмен на услуги по уходу неоднократно предлагали соседи Данилкины. Очень заинтересована была в этой квартире и хозяйка салона красоты.

Обводя погуще синей шариковой ручкой квадратик «Данилкины», майор задумался. Отец – инженер, мать – служащая в домоуправлении. Сын шестнадцати лет в девятом классе, учится средне, пока не хулиганил сильно. Эта семья из трех человек проживает в однокомнатной квартире на четвертом этаже. Обменять на двухкомнатную с переездом на окраину, в принципе, можно, однако проблематично: мешает последний этаж. Так что сыну остается искать невесту с квартирой. Не так это просто. Проще, конечно, договориться с одинокой старушкой, чтобы ухаживать за ней, а потом получить ее квартиру в наследство. В подъезде единственной одинокой старушкой была Аргуновская. Соседи показывают, что Данилкины еще прошлым летом стали предлагать

ей подписать договор о передаче квартиры в наследование по уходу – поначалу сами об этом намерении говорили соседям. Аргуновская, однако, упорно отказывалась. Ее здоровье резко пошатнулось где-то с месяц назад. Легко предположить, что Данилкины после этого активизировались, хотя теперь уже о своем намерении не трепались направо и налево. После обострения язвы у пострадавшей Аргуновской, последующего лечения и возвращения из больницы – а выписалась старуха, говорят, по-прежнему не очень здоровой – они вполне могли решиться на преступные действия.

Полуэктов вздохнул и перешел ко второму квадратику. Копылову тоже исключать нельзя. Даже больше оснований ее подозревать, чем Данилкиных. Нравы в бизнесе, как известно, волчьи. Этой дамочке только бы салон свой расширить – она на все пойдет. Дела в салоне красоты идут хорошо, Копылова, кроме парикмахерской, открыла кабинет визажа, пригласила и косметолога. Сотрудники рассказали, что у нее были замыслы расширить косметический кабинет, пригласить пластического хирурга, сделать в перспективе и солярий, однако не позволяла площадь.

«М-да, – размышлял Полуэктов. – Процветающее предприятие не может расширяться из-за недостатка места...»

Конечно, Копылова крайне нуждалась в приобретении этой примыкающей к салону квартиры. Тогда в ее распоряжении оказался бы практически весь первый этаж. Однако Аргуновская, как подтверждают сотрудники и сама хозяйка,

не соглашалась продать.

Полуэктов лично разговаривал с сотрудницами салона и с его хозяйкой – Викторией Сергеевной Копыловой, пока лейтенант Демочкин обходил жильцов подъезда. Дама она еще молодая (на вид двадцать восемь – тридцать, а по паспорту, Полуэктов усмехнулся, сорок два), красивая (майор вспомнил светло-рыжие волосы, пышную прическу, ухоженное лицо, зеленое платье и вздохнул). Да... Стерва, конечно. Видел он таких. Она могла кого-нибудь прислать. Сама делать ничего не стала бы, а вот нанять кого-то могла запросто. Конечно, работал с Аргуновской непрофессионал – это очевидно. Но как раз Копылова вряд ли вышла бы на профессионала. Договожилась с каким-нибудь подонком, мало ли их...

Полуэктов задумался, ручка почти прорвала бумагу по сильней черте вокруг квадрата «Копылова». Однако улики тоже нет.

Третий квадратик – наследница. Татьяна Лукина, двадцать семь лет, учительница русского языка и литературы. Ну, эту, пожалуй, можно и вычеркивать, эту майор так, для порядка приписал. Во-первых, она о наследстве узнала только вчера, от него лично. Во-вторых, убить-то наследник может, чтобы ускорить получение наследства, но вот пытаться ему абсолютно незачем. Для чего же тогда пакет?

Все упирается в этот проклятый пакет. И зачем перерыли все в квартире, что искали? Вновь погружившись в размышления, Полуэктов машинально начал рисовать внизу листка

с фамилиями большой трехлепестковый цветок.

Можно было бы предположить и самоубийство... А что: одинокая больная старуха, находясь в депрессии после тяжелого приступа с язвенным кровотечением и последовавшего за ним длительного больничного лечения, решает свести счеты с жизнью. Вот только способ странный. Никто не поверит, что старуха сама удушила себя с помощью пакета. Майор опять задумался.

Глава пятая

Поминки

Хоронили Аргуновскую поздно, на шестой день. Не только экспертиза задержала. Таня хотела непременно исполнить волю умершей – быть похороненной на старом кладбище. Новых захоронений там не делали, допускалось захоронение к родственникам. У Сони родственников не имелось, однако на старом кладбище лежали ее близкие друзья – она ухаживала за их могилами. Пару раз Таня ходила с ней туда цветы сажать, тогда-то Софья Дмитриевна и рассказала самой близкой ученице, почему так дороги ей эти могилы. Обронила и фразу: «Когда-нибудь я тоже здесь буду лежать – вот и местечко осталось, как специально!» Поэтому сейчас Таня упорно добивалась захоронения на этом престижном кладбище. В конце концов разрешение получили. Помогло то, что Софья Дмитриевна была заслуженной учительницей и что за могилами ухаживала несколько десятилетий. Родственников у умерших Сониных друзей тоже не было, она одна и ухаживала. За узорчатой железной оградкой действительно оставалось немного места – как раз для Сони. Павел накануне похорон подправил оградку, привез с другого кладбища могильщиков...

Народу было много. Пришли учителя, с которыми Аргу-

новская в разное время работала, еще больше было учеников разных лет: старых, молодых. Подруг другого рода, с кем Соня в нерабочее время общалась, было много меньше.

«Вся жизнь у нее в работе прошла – в школе, с учениками, – думала Леля Шварц. – Счастье это или нет? Завидовать Соне или сочувствовать?!»

Елена Семеновна пошла на похороны, хотя Соню не очень хорошо знала: как-то получилось, что в последние дни она много о ней думала. Леля держалась рядом с подругами – Милой Памфиловой и Наташкой Тюриной. Подруги Соню знали хорошо. Мила, как и Соня, была из Рославля, они вместе приехали поступать в Смоленский пединститут. С тех пор и дружили, хотя учились на разных факультетах. Наташка познакомилась с Соней значительно позже – через внучку. Однако их общение быстро стало неформальным: обе любили музыку, вместе ходили на концерты.

Таня на похоронах держалась поодаль от бабушкиных подруг: вначале металась, озабоченная организацией похорон, потом стояла возле гроба рядом с учителями, когда-то работавшими с Софьей Дмитриевной. Таня и у них тоже училась.

После похорон Леля, Мила и Наташа не пошли со всеми поминать в кафе. Они устали за эти несколько часов от большого количества учителей – напористых, с хорошо поставленными голосами. Учителя говорили громко, отчетливо, уверенно – как привыкли в классе. Сониных учеников многие из них знали, это были и их ученики – как прави-

до, лучшие. Переговаривались все сразу. Елена Семеновна быстро утомилась от атмосферы школы – хорошей, дружной школы, однако ей, в общем, чужой. Видимо, то же чувствовали ее подруги.

– Пойдемте ко мне! – предложила Наташка. – Давно мы не собирались втроем. Посидим, в своем кругу Соню помянем. Таня, может, позже подойдет.

На Киселевку добрались быстро: взяли такси. Наташкин дом – неплохой, постройки середины 1980-х годов – находился неподалеку от Лесопитомника. Леся к Наташке редко приходила – далековато. Воздух здесь был свежей, лучше, чем в центре. Квартира состояла из большой, двадцатиметровой, с застекленной лоджией комнаты и кухни – в общем, тоже нормальной, метров шесть.

– Девчонки, несите все в комнату, – Наташка доставала из холодильника еду: вчерашние котлеты, банку шпрот, лимон, прошлогодние соленые огурчики. Порезали и купленные по дороге сыр, колбасу, батон. Закуски получилось более чем достаточно. И бутылку вина они, конечно, тоже купили.

Первым бокалом помянули Соню. Помолчали.

– Вы обе ее хорошо знали, расскажите о ней, – предложила Шварц.

– Ну что ж! – согласилась Мила. – Я знаю ее дольше всех. Давайте я начну.

Рассказ Милы

— Мы познакомились в конце июля тысяча девятьсот шестьдесят шестого года на вокзале в Рославле. Я окончила школу и ехала поступать в Смоленский пединститут, на иняз. Меня провожали родители. Они волновались, мне тоже было не по себе. Я первый раз одна так далеко уезжала.

Пришли мы на вокзал рано. Сели на скамейку, где было место. Рядом с нами сидела девушка моих лет, с обитым дерматином фанерным чемоданчиком. Одета так, знаете, по-деревенски: платье длиннее, чем мода требовала, штапельное, в сборочку, рукава «фонарик». И сандалики дешевые детские с носочками розовенькими в полосочку — в городе носочки тогда молодые девушки не носили. Пока ждали поезда, разговорились. Девушку звали Соня Аргуновская, она и впрямь была деревенская, из села Аргуново под Рославлем. Ехала тоже в Смоленск, поступать в пединститут. Мои родители обрадовались, что у меня есть попутчица: девушка им показалась самостоятельной, а меня они считали ребенком, боялись одну отпускать. В общем, поехали мы с Соней вместе — тем более поступать нам предстояло в один вуз, только на разные факультеты. Болтали, конечно, всю дорогу. Соня была из семьи колхозников. Мать — доярка, отец — тракторист. Она была единственным ребенком в семье, поэтому ее баловали, не заставили после школы работать, а от-

правили учиться. Тем более что школу свою сельскую девочка окончила с золотой медалью; мечтала стать учительницей русского языка и литературы, потому что очень любила читать. Говорила она и тогда грамотно, речь хорошая была, не соответствовала ее деревенскому виду. И я удивилась, что она читала довольно много: у них при школе библиотека имелась, Соня ее практически всю перечитала.

В Смоленске мы квартиру вместе сняли – на время вступительных, на эти две недели. С квартирой не повезло – сын хозяйки к нам приставал. И мы решили: если поступим, найдем другую квартиру, вместе будем жить. Но получилось не совсем так, по-разному у нас сложилось.

Поступили мы обе, хотя конкурс в тот год был большой: я в Рославле с репетитором занималась, Соня сама училась, да ведь на русский язык и легче – конкурс у нее поменьше был. Далее мне повезло: получила общежитие сразу же, на первом курсе. А Соне общежитие не досталось, так как на литературном факультете было больше приезжих. И это обстоятельство оказалось очень важным. Это, девочки, Сони-ну судьбу определило. Да... Не знаешь ведь, где найдешь, где потеряешь... Может, в том, что не дали, ее везение и было. – Мила замолчала, подперев рукой подбородок. Леля и Наташа ждали.

Наконец рассказчица продолжила:

– Она попала на квартиру к Елизавете Григорьевне случайно. В институтском вестибюле висели адреса желающих

сдать квартиру, и ее привлекла фамилия Елизаветы Григорьевны – Аргунова. А Соня в селе Аргуново выросла! Там фамилии, рассказывала, у многих такие: Аргуновские, есть и Аргуновы. Она подумала: может, из односельчан... Ну, мы и пошли по этому адресу – я тоже с ней пошла, она одна боялась. (Кстати, это та самая квартира, что Соня теперь Танечке завещала). Правда, оказалось, что с названием села совпадение случайное, Елизавета Григорьевна сразу сказала, что она смолянка, всегда в Смоленске жила.

Это и видно было, что городская... такая аккуратная, интеллигентная старушка дверь открывала. В блузке дома и даже с брошечкой. Она раньше в седьмой школе французский и немецкий преподавала, к тому времени на пенсии уже была.

Тогда, помню, она нас пить чай усадила. Я стеснялась, а Соня еще больше. Елизавета Григорьевна рассказала, что решила сдавать квартиру впервые. И не для денег, а потому что ей одиноко и (да, она так сказала!) страшно. Раньше она здесь с братом жила. Он умер несколько лет назад. Скажу сразу: я уже потом, позже поняла, что она не одиночества боялась. И не воров. И не привидений, конечно. Она боялась ареста! Но тогда такое в голову, конечно, ни мне, ни Соне не пришло. Старушка боится одиночества – так мы поняли ее слова. Ей в ту пору было примерно как нам сейчас, далеко за шестьдесят, и она казалась нам, семнадцатилетним, очень старой.

Соня решила остаться. Квартира однокомнатная, но ведь

тогда это нормальным считалось, в отдельной комнате мало кто жил. А хозяйка ей сразу понравилась.

Потом мы с Соней уже реже встречались: разные факультеты, к тому же мы обе сильно увлеклись учебой. Соня еще дополнительно много занималась, ее Елизавета Григорьевна немецкому языку взялась учить! А мне и института хватало. Ты помнишь, Леля, сколько мы на первом курсе зубрить должны были?!

Елена Семеновна покивала: да, на инязе зубрежки много. И добавила:

– Так вот с кем рядом Соня теперь за оградкой лежит... правильно ли я поняла, что это ее квартирная хозяйка, Елизавета Григорьевна, на старом кладбище похоронена? На камне написано «Аргуновы» – она с мужем там?

– Да, это она, – ответила на этот раз Наташа. – Но замуж она не выходила. С братом она похоронена, он еще раньше умер. Соня и мне про нее рассказывала. Интеллигентная была женщина. И добрая. Она потом Соню прописала в своей квартире, чтобы та ей досталась. Тогда ж не было приватизации, путем прописки все решали.

– Тут дело не только в квартире, – опять вступила Мила. – Елизавета Григорьевна была необыкновенным человеком. Я таких никогда больше и не видела. Не зря Соня на нее почти молилась.

– Да-да, – подтвердила и Наташа. – Она ее, например, музыке учить стала! Ну зачем ей было с деревенской девочкой

возиться?! А она ее и языкам, и на фортепьяно играть учила.

– Соня очень изменилась за годы учебы. И, наверно, тут больше сказывалось влияние Елизаветы Григорьевны, чем вуза.

Выпили за Елизавету Григорьевну и чтобы такие люди появлялись хоть иногда. Мало их. Помолчали.

– А почему она боялась ареста? – спросила Леля. – У нее были какие-нибудь основания?

– Ну как ты не понимаешь, Леля? Это еще с тридцатых годов у людей засело. И многие на этом двинулись. Тогда у многих развился подобный невроз. Ахматову хотя бы вспомни, – сказала Наташа.

А Мила подхватила:

– У Елизаветы Григорьевны и личные основания тоже имелись. Она ведь из «бывших» – ты что, не поняла по моему рассказу? Она этого боялась и старалась о своем происхождении не говорить – я еще тогда заметила. – И помолчав, добавила: – Тем более у нее брат сидел. Квартиру эту отдельную им дали, когда его реабилитировали. Больной весь вернулся в пятьдесят шестом... Реабилитированным иногда давали квартиры – компенсировали, так сказать.

– А где же раньше Елизавета Григорьевна жила? – спросила любознательная Леля.

– В коммуналке! – ответила Мила. – Мне Соня показала как-то, на улице Ленина – мол, в этом доме раньше Елизавета Григорьевна жила, на втором этаже, в коммунальной

квартире. Угловой дом возле Блонье – ну, тот, где Левонины живут. Там, говорят, такие страшные коммуналки были, совершенно без удобств...

– Ну уж! – не поверила Леля. – Стал бы тебе Дюруа в страшной коммуналке жить! Помнишь, какой он был?!

Все заулыбались. Представить себе Георгия Владимировича Левонина по прозвищу Жорж Дюруа живущим без удобств было невозможно. Коренные смолянки Леля с Наташей помнили его появление в городе в конце 1950-х. Они еще в школе учились, но его заметили: этот высокий красивый мужчина с такой породистой внешностью обращал на себя внимание. Его быстро начали узнавать на улице и прозвали Жорж Дюруа, по имени героя Мопассана. Широкой известности способствовала не только импозантность Дюруа, но и история его появления в городе. Он был вернувшимся эмигрантом. В Смоленске конца пятидесятых ни эмигрантов, ни даже иностранцев до Левонина не видели. И он вполне отвечал представлениям провинциалов о дворянах-эмигрантах: высокий элегантный красавец с бархатным голосом, уверенный в себе, прекрасно воспитанный, душа общества. Он сразу получил комнату на улице Ленина и был принят в пединститут преподавателем на кафедру французского. Смоленские дамы его обожали. Старшеклассницами Леля и Наташа часто встречали его в библиотеке, на спектаклях в Смоленском драматическом театре и на концертах. Ходили слухи, что у него роман с солисткой филармонии Зинаи-

дой Заозерной. Их иногда видели вместе. Леля, поступив на иняз, получила возможность узнать его лучше: он вел французский как второй язык в той английской группе, где они с Милой Памфиловой учились. Французский он знал превосходно, но учить языку не умел. Или, может, не хотел, ленился. Он был сибарит. Это Леля помнила. На занятиях часто или самостоятельную работу давал, или приятно беседовал со студентками на какие-нибудь не относящиеся к занятиям темы.

– Ну, теперь-то Левонины, конечно, всю квартиру выкупили. Я была у них, буквально где-то с месяц назад, Ниночка пригласила. У них квартира отдельная и очень хорошая, – пояснила Наташа (она со вдовой Левонина была знакома по работе в библиотеке). – Но в том доме и сейчас еще остались коммуналки! Нина сказала, что даже у них в подъезде есть. Дом этот до революции, наверно, считался хорошим: красивый, в центре... Там богатые люди жили. А, кстати, вы знаете, что улица Ленина раньше Пушкинской называлась?!

– Конечно! – почти хором ответили Мила с Лялей. А Мила продолжила:

– Не знаю, где до революции жила Елизавета Григорьевна, она скрытная была, боялась всего, мало о себе рассказывала. Возможно, в этом же доме – на Пушкинской, а может, нет. Но что потом жила в коммуналке на улице Ленина, это она сама говорила.

Глава шестая

Чаепитие на Пушкинской весной 1914 года

Весна, пришедшая в Смоленск после затянувшейся до середины марта метельной и льдистой зимы, тоже долгое время не радовала теплом. Уже и май четырнадцатого года нового, все еще загадочного, пугающего и манящего двадцатого века наступил, а булыжная мостовая Пушкинской улицы – красивейшей в городе – покрыта сплошным бурым панцирем – ни травки нигде не проросло. Деревья – каждое в новомодном, сделанном в прошлом году по распоряжению губернатора обрамлении в виде высокой узенькой решетки – вдоль обоих тротуаров стоят ровненько, однако еще без зелени, только почки набухли. И на Блонье деревья все черные, земля с пожухшей с осени и еще не воскресшей, не зазеленевшей травой. Однако аллеи тщательно выметены, плотно присыпаны и утрамбованы крупнозернистым песочком; скамейки заново окрашены голубенькой краской. Они оживляют сад, напоминают о весне. Да и жандармы, стоящие с двух концов Блоньи в отмеченных кирпичными столбиками проемах, симметрично завершающих диагональную аллею сада, уже надели весеннюю форму с высокими, краснооколышными киверами.

Из окон Батуриных Блонья не видно, но на Пушкинскую в ее центральной части можно любоваться сколько угодно. В доме напротив на балконе сидит в кресле генерал Аблесимов, дремлет, держа в руках газету. В майский вечер совсем светло, хотя время близится уже к шести часам. По случаю воскресного вечера по Пушкинской прогуливается публика; преимущественно гуляющие господа направляются в сторону Лопатинского сада, изредка проезжающая пролетка вносит оживление.

— Господа, идите же чай пить! — это Ольга Павловна, мать Саши, зовет в столовую. Петр и Елизавета, брат и сестра Аргуновы, отворачиваются от окна.

С Александром Батуриным и его матушкой они знакомы давно, с детства. Много лет Сашин отец, коллежский асессор Николай Александрович Батурин, ныне, увы, покойный, снимал на лето дом в соседнем с Аргуновом селе Валуеве — с Аргуновыми тогда подружились семьями. Николай Александрович служил помощником начальника Смоленского почтово-телеграфного ведомства. Летом он значительную часть времени проводил с семьей на даче. Будучи в Валуеве, часто ездили, а то и ходили пешком в Аргуново, и не только в префферанс играть. Там, в Аргунове, и музицировали, и разговоры интересные велись.

Дети тоже подружились. Старшая из детей Аргуновых, Лиза, на два года моложе Саши Батурина. Разница в возрасте Александра и Петра составляла пять лет. Дружба

вышла за дачные пределы, и молодые люди продолжили общение в городе. Последние четыре года Саша, впрочем, жил большую часть года в Москве, учился в университете. Петя же зимами квартировал в Смоленске, у своей тетушки, родной сестры отца, Анны Васильевны Муромцевой – в собственном ее доме на Большой Дворянской, недалеко от собора. Он оканчивал в нынешнем году гимназию.

Часто приезжала в Смоленск и Лиза. Она только в прошлом году вышла из гимназии, мечтала о Высших женских курсах, однако родители не захотели отпустить ее в малознакомый Петербург. В Смоленск же навестить брата и тетушку отправляли охотно. Анна Васильевна Петю и Лизу привечала с радостью, приглядывала за ними как за родными детьми. Муж ее, генерал Муромцев, был много старше, детей супруги не имели. Оставшись вдовой, Анна Васильевна жила одна в большом доме. Ее единственными близкими родственниками были брат, Григорий Васильевич Аргунов, и его семейство.

Нынешней весной Саша Батулин вынужден был оставить Университет. В Рождественский пост скоропостижно скончался Николай Александрович. Матушка Саши, Ольга Павловна, сильно загрустила, да и недостаток средств становился ощутимым. Ко времени описываемых событий Александр уже более месяца жил в Смоленске с матушкой. Он устроился инженером в то самое почтово-телеграфное ведомство, где прежде служил его отец.

Петя Аргунов нынче заканчивал гимназию, сдавал экзамены за последний класс. Дружба с Сашей – уже взрослым и таким умным – ему льстила. Петя давно, с отроческих лет, находился под влиянием старшего друга. Саша охотно принимал его поклонение, тем более что и ему нравилось общаться с Петей: этот подросток был не по годам развит.

Лиза, будучи старше Пети на три года, по возрасту тоже отставала от Саши. Батурин являлся непререкаемым авторитетом и для нее. Конечно, в отличие от Пети, она не обсуждала с Сашей естественно-научные проблемы. Зато они много говорили о поэзии, особенно немецкой. Лиза иногда осмеливалась даже делать Саше замечания по поводу его переводов из Гейне и Гете.

Ольга Павловна уже накрыла в столовой для чая. После смерти мужа она отказалась от горничной, оставив только кухарку. Теперь, когда Сашенька вернулся в Смоленск, устроился на службу, жить стало морально легче, вернулся и материальный достаток. Тяжело без Николая Александровича, но надо жить. За чаем вспоминали Аргуново, совместные прогулки летними вечерами. Разговор становился все более оживленным. Вспоминали, как пили чай в беседке, ходили к пруду. Покойный Николай Александрович любил обсуждать с отцом Петра и Елизаветы, Григорием Васильевичем Аргуновым, новости политики. Жены их обменивались рецептами варки варенья, говорили о воспитании детей. Все вместе обсуждали современных поэтов, жур-

нальные новинки, новые постановки Смоленского театра. Какая прекрасная была жизнь! Неужели все это кончилось со смертью Николая Александровича?..

— Ольга Павловна, мама велела передавать вам приглашение, — сказала Лиза. — Приезжайте к нам на лето, мы уж подготовили флигель. Тетушка к июлю тоже придет. Будем ходить на озеро... Жаль, что Александр не сумеет оставить службу.

Ольга Павловна покачала головой:

— Нет, Лизонька, Саша службу не может оставить, а я Сашу. Да и не хочется уезжать далеко от могилки родной. В этом году никуда не поедем... Приезжайте вы в Смоленск почаще! Саше с вами веселее, заскучал он вдали от Москвы. — И обратилась к Пете: — А вы, Петенька, осенью, вероятно, в Москву?

— Да, я думаю в университет, на естественный, как Саша.

Говорили и о смоленских новостях. Здесь главной темой стала служба Саши в почтово-телеграфной конторе. Служба ему нравилась — он с удовольствием осваивал новое дело. Устроиться в почтово-телеграфное ведомство Батурина помог Владимир Иванович Штальберг, человек порядочнейший и образованный. Он был сослуживцем, а точнее, непосредственным начальником покойного Николая Александровича. Они дружили. Штальберг — человек широких интересов — увлекался современной философией, музыкой. В

Смоленск он был назначен более десяти лет назад из Петербурга. Именно он привозил в Смоленск многие столичные идеи. Так, например, в короткий период «свободы», последовавший за потрясениями 1905–1906 годов, в смоленской почтово-телеграфной конторе многие вслед за Штальбергом заинтересовались теософией.

Штальберг затеял тогда издавать журнал «Теософская жизнь». И сумел увлечь этой идеей передовую смоленскую общественность – даже военные, да что говорить, даже церковные люди участвовали в журнале! Смоленску в ту пору и Петербург завидовал: тамошним теософам журнал не разрешали! Закончилось, правда, плохо. Время быстро и круто повернулось. В 1908 году церковь журнал осудила, запретила участвовать в нем священникам. После этого и светские власти стали относиться к журналу с подозрительностью. Владимир Иванович, выходец из давно обрусевшей немецкой семьи, младенцем крещенный в православие, христианство понимал широко. Впрочем, никаких прямых обвинений предъявлено не было. Штальберг поменял название, убрав слово «теософия», но все же через год был вынужден журнал закрыть.

Однако увлечь он успел многих. В его квартире на Почтовой улице и теперь, спустя шесть лет, по средам собиралось общество смоленских теософов и просто образованных людей. Приходили почтовые служащие, офицеры, учителя, журналисты, бывали и священники – весь цвет смоленской

интеллигенции собирался. Ходил к Штальбергу и Саши. Сегодня он не случайно завел о нем разговор. Петя и Лиза, вследствие молодости (Пете исполнилось семнадцать) и потому что жили с родителями в загородном имении, ни разу не были на штальберговских «средах», хотя много слышали о Владимире Ивановиче от Саши, а еще раньше – от Николая Александровича. Саши хотел их познакомить.

– Владимир Иванович сейчас в Петербурге по служебным делам, но на следующей неделе непременно вернется. Я ему, кстати, перед отъездом о вас рассказывал, он велел передавать приглашение. Он любит молодежь. Там самое лучшее смоленское общество собирается! Иногда очень интересно бывает. Лиза, вы ведь еще не покинете Смоленск к среде?

Лиза покачала головой: конечно, нет! Было решено, что они пойдут втроем.

– Владимир Иванович поехал в Петербург, чтобы заказать новейший телеграфный аппарат, – пояснила Софья Павловна, всегда живо интересовавшаяся служебными делами мужа, а теперь и сына. – Сашеньке придется осваивать такую сложную машину!

– О, мама, насчет этого не волнуйся, я в курсе европейских технических достижений! Теоретически я уже изучил этот телетайп, думаю, что без особых затруднений освою и на практике. А возможности эта машина открывает большие. – И он стал рассказывать о том, какой удобной и простой скоро станет связь Смоленска с Москвой и Петербур-

гом и даже с европейскими столицами.

Ольга Павловна, Лиза и Петя слушали Сашу с восторгом. Их вдохновляли не только невиданные перспективы развития связи, но и изящество, с которым Александр излагал свои мысли. Все трое им восхищались, а в такие минуты особенно. Саша с детства проявлял способности к технике и физико-математическим наукам. При этом он был прекрасным переводчиком, да и сам писал стихи... Печатался даже в московских журналах.

Сидели долго. Наконец Лиза спохватилась, что Анна Васильевна ждет их. На улице уже стемнело, однако Пушкинская продолжала оставаться оживленной. Пахло весной: сырым воздухом, набухшими почками. Лиза подошла к одному из деревьев, присмотрелась, приблизив ветку к лицу: очень скоро, может быть, завтра, проклюнутся маленькие листочки. Как хорошо жить!

Глава седьмая

Опять убийство

Леля Шварц спала в ту ночь крепко. Вчера у Наташи долго сидели, почти полбутылки выпили втроем. Внучка Наташкина, Таня, так и не пришла – позвонила, сказала, что устала сильно. Домой Леля поехала на такси, спать легла в первом часу.

Позже, когда уже все случилось, она вспоминала, что вроде слышала под утро снизу звонкий собачий лай, однако внимания не обратила, не проснулась толком. Встала позднее обычного, почти в восемь, но все же на зарядку в парк решила сходить. Переходя через дорогу, увидела Ирину, такую заметную в красном костюме. Соседка уже в парк входила, она тоже припозднилась сегодня. Зарядку делали каждая свою, однако, когда подошла пора ходить кругами, пошли вместе.

Елена Семеновна вчера видела Ирину на похоронах, однако вспоминать печальные события, думать о смерти сейчас не хотелось. За последние дни обе женщины от таких мыслей и разговоров устали. Сочная зелень веяла прохладной свежестью, небо было в легких облачках, за которыми проглядывало нежаркое утреннее солнце.

– Хорошая сегодня погода будет! – начала Ирина. – Утро такое свежее... Как ваши отдыхают в Пржевальском? Грибы

еще не начались?

Елена Семеновна, однако, не успела раскрыть рот, чтобы ответить, потому что из кустов с громким, хотя и тоненьким визгом выскочило какое-то маленькое существо – то ли кошка, то ли, может, крыса – и кинулось прямо Ирине под ноги, едва ее не сбив. Обе женщины инстинктивно отпрянули, однако почти сразу поняли, что это собака, хотя и очень маленького размера: сквозь взвизгивания и поскуливания слышался лай. Собака кружилась вокруг Ирининых ног, не давая идти.

– Жужа! – Ирина наконец узнала собаку соседей. – Жужа, это ты? Что с тобой? А где твоя хозяйка?

Собака продолжала отчаянно скулить, прыгая на Иру передними лапами, отскакивая, вновь прыгая. На стоящую рядом Елену Семеновну она почти не обращала внимания.

– Какая умная! Она вас знает, зовет куда-то... Это ведь Данилкиных собака? – узнала и Елена Семеновна. Соседка с верхнего этажа, Данилкина, иногда встречалась ей на лестнице с этой маленькой собакой, той-терьером.

– Данилкиных. Жужа. Я ее щенком помню – кро-о-охотным... Хорошая собачка. Где же твоя хозяйка, Жужа? Или ты с Витей? Поздно вы сегодня гуляете, любит твой Витя поспать...

Собака наконец остановилась, прижалась к Ириным ногам и принялась жалобно выть.

– Там случилось что-то! – Елена Семеновна не на шутку

встревожилась.

– Где же Витька?! – засуетилась и Ирина. – Не одна ж собака тут! Неужели он ее одну бросил, а сам пошел куда-то? А может, плохо ему стало? С подростками бывает, что теряют сознание... Катя, та всегда раньше с собакой гуляет, часов в шесть, ей к девяти уже на работу. Если так поздно вышли, то, наверно, Витя, у него тем более каникулы.

Они направились в сторону тех кустов, откуда к ним выскочила собака. Жужа, обогнав их, забежала в заросшие кустарником дебри, начала лаять отчаянно, с подвываниями – оттуда, из кустов. Елена Семеновна и Ирина, раздвигая прохладные, чуть колючие ветки, пошли за ней.

За кустами в неудобной, неестественной позе лежала Данилкина. Собака села возле нее и завывала.

– Катя! Что случилось?! – Ирина кинулась к Данилкиной, коснулась ее лица, повернула...

В лице не было жизни. Данилкина смотрела в небо пустыми остекленевшими глазами. Ирина с ужасом отдернула руку:

– Катя! – Потом, все так же сидя на корточках, перевела испуганный взгляд вверх. – Она умерла? – растерянно обратилась она к Елене Семеновне.

Та, тоже присев на корточки рядом с телом, попробовала найти пульс. Как всегда в экстремальных ситуациях мозг ее работал быстро и четко. В школе Леля Шварц была чемпионкой города по шахматам среди девушек, подавала боль-

шие надежды. В десятом классе, правда, шахматы бросила, влюбившись в Витьку Зотова, боксера и кумира девчонок из всех окрестных школ... Пульс не прощупывался, но «Скорую» все равно необходимо было вызвать. Инсульт? Инфаркт? У такой молодой женщины! Шварц внимательно осмотрела траву вокруг тела. Возле головы трава была темно-бурая, с красными подпалинами, влажная. Пятно образовалось от крови, вытекшей откуда-то из-под затылка.

Примятая трава тянулась от кустов к телу. Возможно, его волочили с аллеи. Елена Семеновна пригляделась. Да, на примятой траве также виднелись темно-бурые следы. Вряд ли Данилкина могла так упасть. Парк ухоженный, нет здесь камней, чтобы споткнуться. Да и в кусты женщина сама не стала бы заползать. За что ее убили? Вряд ли на прогулку с собакой берут много денег.

Леля внимательно осмотрела одежду лежащей. На Данилкиной были джинсы, застегнутая ветровка, кроссовки. Карманы не вывернуты. Недалеко от тела, ближе к кустам, валялась бейсболка с красным околышем.

Время ожидания полиции и «Скорой» женщины провели на скамейке возле кустов. Собака испуганно жалась к ногам Иры и продолжала тоскливо скулить – негромко, с подвываниями. Редкие в парке в этот час прохожие иногда останавливались. Узнав в чем дело, качали головами, шли дальше – время было рабочее, спешили по своим делам. Подъехавшая «Скорая» констатировала смерть. Полицейские осматрива-

ли место происшествия, фотографировали тело. Муж Данилкиной, которому Ирина тоже позвонила, приехал на такси сразу вслед за полицией. Звонок Ирины застал его на работе. Данилкин служил инженером на заводе «Измеритель».

Увидев тело жены, он заплакал. Один из полицейских (Демочкин – вспомнила Шварц) допросил Елену Семеновну и Ирину. Второй («Это сам майор Полуэктов», – шепнула Ирина) подошел к Данилкину. Собака теперь сидела, прижавшись к его ногам, прячась за них и за основание скамейки. Она по-прежнему скулила.

– Уберите ее, – сказал полицейский. Ирина взяла собаку на руки.

– Катя ушла выгуливать Жужу, как всегда, рано, еще не было половины седьмого. Обычно они гуляют минут сорок, бывает, что и час, – к половине восьмого приходят. Если в магазин Катя зайдет, то и позже. В этот раз я на работу поехал, Кати еще не было. Я где-то без десяти восемь из дома выхожу: далеко ехать. Сын тоже уже позавтракал, в школу собирался: у них сейчас практика перед каникулами. Он учится в восьмой школе, через дамбу.

– С собакой всегда гуляла ваша жена? – спросил майор.

– Да. Почти всегда. На каникулах иногда Витя, сын. Но это редко.

– И всегда в парке?

– Почти всегда. Иногда в магазин ходили – круглосуточный, за углом.

– Были ли у вашей жены враги? Она с кем-нибудь ссорилась в последнее время?

– Ну, я не знаю... Какие там враги... Конечно, не со всеми отношения складываются, но таких, чтобы убить... Таких не было. – Данилкин задумался. – Нет, не знаю таких.

– И последний вопрос. Ваша жена вышла из дома в бейсболке?

Данилкин удивленно вскинул голову:

– В какой бейсболке?

– Вот в этой. – Полуэктов, осторожно держа за край пакета, показал уже уложенную в пластик бейсболку. – Это ее бейсболка?

– Нет. – Данилкин покачал головой. – Катя не носила бейсболки. – На глаза его опять навернулись слезы. – В крайнем случае, если солнце сильно печет, она шляпу надевала. Или уж косынку...

– А кто в вашей семье носит бейсболку? – не отставал полицейский. – Вы? Или сын?

– Я не ношу. У меня есть кепка полотняная, а бейсболки нет. У Вити есть бейсболка, мы ему купили... Только у него не такая. Это точно не его. А такой у нас нет. Да и не надевала Катя бейсболку никогда вообще. Это не ее, точно. Это, может, убийца обронил?

Полицейский повернулся к женщинам:

– А вам знакома эта бейсболка? Видели вы когда-либо подобную на ком-либо из семейства Данилкиных или еще у ко-

го-то?

Ирина, сидевшая на скамейке с дрожащей Жужей на коленях, как будто что-то хотела сказать. Полуэктов заметил ее волнение.

– Вы видели? – обратился он непосредственно к ней.

Ирина замялась:

– Да... То есть у Данилкиных, конечно, не видела. Но таких бейсболок, наверно, много. Не одна ж она такая. – Она беспомощно оглянулась на Елену Семеновну. Та сидела рядом молча.

– У Павла, который приходит в третью квартиру, где Аргуновская раньше жила, у него похожая бейсболка, – продолжила наконец Ирина. – Перед похоронами он заходил в квартиру в такой бейсболке: я как раз на зарядку шла и видела, как он открывал дверь. А на похоронах, конечно, с непокрытой головой был все время. Я еще тогда обратила внимание, что так ему лучше – бейсболка ему не идет.

– Павел? Это муж Татьяны Лукиной, унаследовавшей квартиру Аргуновской? – Глаза Полуэктова блеснули.

– Да.

– А когда вы его видели в подобной бейсболке? Точно не запомнили день?

– Запомнила. Он за два дня до похорон приходил, то есть десятого июня, получается...

Данилкин, по-прежнему стоящий рядом с Полуэктовым, во время этого диалога ужасно заволновался. После упоми-

нения похорон его глаза расширились, дрожащей рукой он схватил полицейского за рукав повыше локтя, другая рука застыла в воздухе.

– Пашка?! – почти закричал он. – Это Пашка!

– Вы подозреваете Павла Лукина? – встрепенулся Полуэктов. – Почему? Только из-за бейсболки или у вас другие основания имеются?

– Имеются! – Данилкин отпустил рукав собеседника, его руки безжизненно упали. Похоже, только теперь он начал осознавать страшный смысл происшедшего. Теперь этот крупный мужчина трясся уже весь – дрожали губы, дрожали красные от слез веки. Казалось, он едва стоял на ногах.

– Давайте присядем? – предложил Полуэктов и движением бровей приказал женщинам уйти.

Елена Семеновна и Ирина (она так и держала Жужу на руках) тотчас вскочили, отошли подальше в сторонку: Демочкин пока не велел уходить далеко, может, вопросы возникнут. Да и Данилкина надо домой отвести – сам он не дойдет, как бы сознание не потерял.

Медсестра «Скорой» уже спешила к нему со шприцем. После укола Данилкин успокоился не сразу.

– Имеются! – выкрикнул он, как только медсестра вынула у него из руки иголку и попыталась поправить закатанный рукав. – Его и Катя подозревала! – Выкрикнув, он с облегчением сел на скамейку. Ноги его не держали. На скамейке ему стало легче. Он отдышался. Помолчал. Укол, видимо, начи-

нал действовать. – Катя подозревала, что он убил старуху, – продолжил он почти спокойно после паузы. И опять остановился.

– Почему ваша жена подозревала Лукина в убийстве Аргуновской? – спросил полицейский.

– Ну а кого ж и подозревать? Кому ж еще это выгодно?! Кто квартиру получил в центре?!

– Так ведь Лукины не знали даже, что Аргуновская им квартиру оставила. Они уже после ее смерти узнали.

– Как же, не знали они! Вы их больше слушайте... не знали! Катя сама слышала, как старуха Пашке говорила, что квартиру им подписала. Еще перед тем, как в больницу лечь! Она по лестнице спускалась – вечером с собакой гулять, – а они со старухой в дверях стояли. А теперь он говорит, не знал. Потому и говорит, что его рук дело. И Катю мог... чтобы не болтала. Катя слышала все сама и ничего не скрывала – рассказывала соседям на похоронах, что он знал.

Домой Елена Семеновна попала только в середине дня. Она не завтракала, но есть не хотелось. Все же сварила гречневую кашу, заварила чай... Она не могла поверить в виновность Павла Лукина. Знала она Наташкиного зятя совсем мало – недели три назад познакомились и начали общаться в связи с ремонтом ее квартиры, – однако впечатление он произвел очень хорошее: умный, интеллигентный парень. А главное, ей казалось, добрый. Отсутствие жилья он, конечно, переживал. И Наташка его все время пилила. И Таня

страдала, что ребенка они не могут себе позволить завести – жить нигде, с ребенком квартиру трудно найти. Кстати, как они? Приходила ли к ним полиция? Елена Семеновна набрала Пашку.

«Телефон выключен или находится вне зоны действия Сети». – сказал безжизненный женский голос.

Глава восьмая

Супруги Лукины

Павел Лукин родился и вырос в Каспле, районном центре, расположенном недалеко от Смоленска. Отец его преподавал математику в Касплянской средней школе, мама работала библиотекарем, была еще младшая сестренка.

С Таней Павел познакомился десять лет назад: они вместе учились на отделении русского языка и литературы Смоленского университета, на одном курсе. Быстро подружились, а к третьему курсу стало очевидно, что это любовь. За что умница и красавица Таня его полюбила? Конечно, за стихи. Это всем было понятно. Павел учился не столь блестяще, как Таня, однако на филфаке пользовался большой известностью. Он был поэтом. Стихи были его жизнью. С детства, будучи нормальным и контактным, вполне «легким» ребенком, он мог поразить недетской вдумчивостью. Читал много – мама приносила книги из библиотеки, где работала. Любил перечитывать стихи. Вначале его любимыми поэтами были Пушкин и Пастернак, а в старших классах он увлекся Бродским, и все остальные отошли на второй план.

Сам Паша начал писать стихи лет в четырнадцать, причем как-то неожиданно для себя; поначалу он не придавал большого значения этой новой привычке. Просто в период

взросления осмысление мира стало требовать стихотворных форм. Получалось само собой – он пытался выразить свое понимание жизни в необычном чередовании слов, звуков, в особом движении ударных и безударных слогов – ему было удобно в круге звуков и ритмов, он хорошо чувствовал этот мир. Оказалось, что это была его сфера существования. Родители знали, что он пишет стихи, но значения этому не придавали. Осознание, что поэзия – его призвание, произошло только в университете.

На филфаке имелась поэтическая студия для пишущих студентов – «Персона». Павел начал ее посещать с первого курса. И вдруг случилось чудо. Все вокруг заговорили о его таланте. И студенты, и самые строгие преподаватели видели в нем поэта. Он не зазнался, однако задумался: что ж, он ведь и впрямь без стихов своей жизни не представляет. Значит, это и есть его призвание, его будущее.

В собственный талант он поверил не только из-за неумеренных похвал искушенных университетских ценителей, но еще и потому, что чувствовал дар внутри. Когда ему говорили, что стихи стихами, однако жизнь следует основывать на практическом, приносящем реальный доход деле, потому что деньги за стихи платят единицам и вряд ли он при всем таланте сможет войти в этот избранный круг, он охотно соглашался, однако в душе твердо верил в силу своего таланта. «Бродского тоже не сразу начали издавать», – думал он.

С Таней они поженились будучи студентами, едва перейдя

на четвертый курс. Оба почти ничего о жизни не знали. Павел ютился в студенческом общежитии, в комнате на четверых. Таня выросла в однокомнатной бабушкиной квартире. Поначалу им думалось, что они поселятся у Тани. Однако Наталья Ивановна, до свадьбы относившаяся к Павлу вполне терпимо и даже хвалившая его стихи, резко поменяла к нему отношение, как только внучка объявила о предстоящем замужестве. Не такого мужа Танина бабушка хотела для своей красавицы внучки. Пашины родители, напротив, встретили невестку ласково, предложили выделить молодым комнату в своем доме, однако жить в Каспле Таня не хотела. Да и Павлу больше нравился Смоленск: здесь друзья-поэты, здесь поэтические вечера...

Павел умел многое делать руками – все же собственный дом предполагает постоянную заботу. Он с детства помогал родителям: умел клеить обои, красить, класть плитку, понимал кое-что в сантехнике и электрике. В общем, после женитьбы, будучи четверокурсником, он начал искать заказы на ремонт. Работал за небольшую плату, старался делать тщательно, так что постепенно у него появились постоянные клиенты. Физический труд не был противен Лукину, он не отвлекал от стихов. Молодые супруги сняли комнату в двухкомнатной квартире на Киселевке, недалеко от Таниной бабушки. В другой комнате жила такая же студенческая семья их друзей. Поначалу было даже весело.

После окончания университета Павел устроился продав-

цом в большой магазин стройматериалов: в отличие от жены, он не чувствовал тяги к учительской работе, да и зарплата в магазине была больше. По выходным продолжал подрабатывать ремонтом – если находились заказы, конечно. Таня много времени проводила в школе. Из Пашкиных подработок старались откладывать деньги на первый взнос в ипотеку, однако постоянно образовывались прорехи в текущем бюджете – то куртку Пашке покупали, то сапоги или приличный «учительский» костюм Тане. Так они прожили шесть лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.